

НАДВИГАЮЩАЯСЯ БУРЯ

Пальцы Джека болели, а на ладонях образовались волдыри. Когда-то он мог бы выполнить эту работу без вреда для себя.

Когда-то его кожа была покрыта удобными мозолями, защищая его от скользкой рукояти серпа, но не больше. На три года он был освобожден от работы на ферме. Он проводил время, заучивая стихи и играя на арфе

-не то чтобы он когда-либо равнялся Барду. Или когда-либо будет. Пот стекал у него по лбу.

Джек вытер лицо, но преуспел только в том, что грязь попала ему в глаза.

-“Будь проклята эта работа!” - воскликнул он, швыряя серп на землю.

-“По крайней мере, у тебя есть две руки”, - сказала Торгиль, потя и трудясь рядом.

Ей приходилось держать папоротники на сгибе руки и разрезать их ножом.

Ее правая рука была заморожена, бесполезна, но она не сдавалась. Это одновременно и впечатлило и разозлило Джека.

-“Почему кто-то другой не может это сделать?” - пожаловался он, усаживаясь в упругий папоротник.

-“Даже Тор выполнял бесславную работу, когда был в странствиях” - сказала Торгиль, флегматично сбрасывая охапку папоротника в растущую кучу. Она повернулась, чтобы собрать еще.

-“Это не приключение! Это работа раба.”

-“Тебе ли об этом не знать”, - парировала дева-воительница.

Лицо Джека вспыхнуло еще сильнее, когда он вспомнил, как был рабом в Северных землях. Но он проглотил очевидный ответ, что Торгиль сама была рабыней в детстве. Она была жертвой мрачных настроений, которые выплескивались наружу и губили всех вокруг нее. “Вот подходящее слово для нее”, - мрачно подумал Джек. Она была гнилью, своего рода болезнью, от которой все желтело.

Ничего не получалось с тех пор, как она приехала в деревню. Потребовались все возможные угрозы со стороны Барда, чтобы удержать ее от раскрытия того, что она северянка, и один из пиратов-убийц, высадившихся на Священный остров.

Несмотря на это, жители деревни относились к ней с подозрением. Она отказывалась носить женскую одежду, она с готовностью обижалась, она была грубой, она была угрюма, короче говоря, она была прекрасным примером северянина.

И все же Джек должен был напомнить себе, у нее тоже были свои достоинства — если что-то в северянах можно назвать достойным. Торгиль была храброй, преданной и абсолютно заслуживающей доверия. Если бы только она была более гибкой!

-“Если бы ты подвинул свой зад, я могла бы собрать этот папоротник. Или ты планировал использовать его как кровать?” Сказала Торгиль.

-“О, заткнись!” Джек схватил свой серп и поморщился, когда на его руке лопнул волдырь.

Долгое время они работали молча. Солнце посылало столбы тепла в безвоздушный лес. Небо — то, что они могли видеть, — было безоблачно-голубым. Оно давило на них, как перевернутое озеро — горячее, влажное и совершенно неподвижное. Джеку было трудно поверить, что надвигается шторм, но это то, что сказал Бард. Никто не осмеливался задавать вопросы Барду. Он слушал птиц и наблюдал за движением моря со своего одинокого наместа рядом со старым римским домом, где он жил.

Грохочущий звук заставил Джека и Торгиль поднять глаза. Двое рабов кузнеца прибыли с повозкой, запряженной волами. Мгновение спустя большие молчаливые мужчины продрались сквозь подлесок, чтобы собрать папоротник. Они ходили взад и вперед, никогда не разговаривая, никогда не глядя друг другу в глаза. Отец братьев продал их в город Беббы, потому что они обладали ограниченным интеллектом, и Джеку стало интересно, что за мысли у них были. Казалось, они никогда не общались друг с другом или с кем-либо еще.

Даже животные думали. Как Бард рассказывал Джеку, у животных было много знаний, которыми они готовы были поделиться с теми, кто обращал на них внимание. Какие знания должны были передать Гог и Магог, как называли рабов? Ничего хорошего, решил Джек, глядя на их задумчивые, отвернутые лица.

Когда повозка, запряженная волами, была загружена, Джек и Торгиль отправились домой. Большую часть времени они жили в доме Барда, но теперь, во время кризиса надвигающейся бури, они вернулись на ферму, которой владели родители Джека. За последние три года он сильно вырос. Рядом с полями, фермерским домом, сараем и зимним складом находилась новая молочная ферма, построенная отцом Джека. Здесь содержались три крепкие черные коровы, за которыми ухаживала Пега, которую Джек освободил из рабства. Она также заботилась о цыплятах, молодых ягнятах и осле. Но ей не разрешалось прикасаться к лошадям. Лошади принадлежали Торгиль и ревниво ею охранялись, особенно от дочерей кожевника.

На краю участка, где земля была слишком каменистой для посевов, стояла лачуга, построенная из торфа. Это было место, где вдова кожевника и две ее дочери теснились вместе, и места было едва ли больше, чем у трех горошин в стручке. Они приехали, чтобы помочь матери Джека годом ранее, и так и не вернулись домой.

-“Я бы хотела, чтобы эта буря поскорее разразилась”, - воскликнула Торгиль, бросая камень в ворону. Ворона ускользнула от него. “Воздух такой тяжелый! Это все равно что дышать под слоем грязи”.

Джек посмотрел на безоблачное голубое небо. Если бы не зловещая тишина, это мог быть любой день раннего лета.

-“Бард говорил с ласточкой с юга. Она сказала ему, что воздушные течения были неупорядоченными, и все перелетные птицы были сбиты с толку.. Почему ты никогда не разговариваешь с птицами, Торгиль?” Воительница обрела эту способность, когда случайно попробовала драконью кровь.

-“Они никогда ничего мне не рассказывают”, - сказала она.

-“Может быть, если бы ты не бросала в них камни...”, - ответил он.

-“Птицы глупы”, - решительно сказала Торгиль.

Джек пожал плечами. Это было похоже на нее - игнорировать свои дары и требовать того, чего она никогда не смогла бы достичь, - славной карьеры воина. Ее парализованная рука положила этому конец.

Она тоже хотела быть поэтессой. Джек должен был признать, что она была неплоха... Ее голос был резким, и она любила кровавые сцены смерти, но ее истории привлекали внимание.

Долгими зимними вечерами жители деревни собирались у очага вождя за песнями и горячим сидром. Бард играл на своей арфе, а когда он уставал, Джек и Торгиль рассказывали саги. Брат Эйден, маленький монах со Святого острова, присоединился к рассказам о божестве Иисусе, о том, как Он накормил тысячу человек пятью рыбами и совершил много других увлекательных чудес.

Но главной звездой на этих сборищах была Пега. Ее голос был настолько убедителен, что даже штормовые порывы стихали, чтобы послушать ее.

-“Клянусь Тором, эти сопляки-кожевники возьмется с моими лошадьми!” Воскликнула Торгиль и бросилась бежать, Джек поспешил следом, чтобы прекратить неизбежную драку.

Дочери кожевника были очарованы лошадьми, подаренными королем Брутом годом ранее. На самом деле, было неясно, чьи это были лошади, поскольку их передали всей группе паломников, возвращавшихся из города Бебба. Джек думал, что они должны принадлежать Барду, но Торгиль настаивала, что они принадлежат ей по праву, поскольку она была единственным настоящим воином среди них.

-“Отвалите, вы, паршивые псы! вы испортите их обучение!”, - Торгиль свистнула, и лошади развернулись, сбросив своих маленьких седоков в грязь. Животные остановились перед воительницей, нервно подпрыгивая, как энергичные существа, которыми они и были. Джек побежал поднимать воющих девочек.

-“Скажи им, чтобы заткнулись, или я действительно дам им повод для рыданий”, - прорычала Торгиль, поглаживая гривы лошадей.

Джек осмотрел девочек и обнаружил, что у них нет серьезных травм. Им было восемь и десять лет, они были низкорослыми из-за многолетнего плохого питания и ядовитого воздуха старой кожевнической фабрики, где они жили, пока не умер их отец.

-“Они всего лишь дети”, - упрекнул Джек, вытирая грязные, заплаканные лица девочек подолом своей туники. “Ты, наверное, делала то же самое в том возрасте”.

-“Я была девой-воительницей. Я была дочерью—”

-“Довольно!” - резко сказал Джек. Девочки перестали плакать и с любопытством посмотрели на Торгиль.

-“Так чьей дочерью ты была?” - спросила та, что постарше.

-“Наверное, тролля”, - сказала младшая, хихикая. Торгиль наклонилась, но они умчались прежде, чем она успела ударить их камнем.

-“Грязные болотные крысы, ” выругалась Торгиль.

-“Один намек на то, что ты не сакс, кому-то, у кого есть причины ненавидеть тебя, и вся

деревня отвернется от тебя.” - предупредил Джек. “И это обернется против моих родителей и меня за то, что я приютил тебя”

-“Этот долг - единственное, что удерживает меня от того, чтобы швырнуть им в лицо мое истинное наследие”. Торгиль обняла шею одной из лошадей, и та послала ей долгий лошадиный поцелуй. Джек, как всегда, был впечатлен тем, как сильно животные любили ее. Жаль, что она не могла внушить людям такие же чувства.

-“Пойдем в дом”, - сказал Джек. “Я умираю с голоду, а нам придется весь день рубить папоротник”.

-“Будь проклят папоротник”, - выругалась Торгиль. “Будь проклято бессмысленное, скучное существование в этой деревне, За одну гнилую репу я бы бросилась со скалы в море!”

-“Нет, ты бы не сбросилась”, - сказал Джек, показывая дорогу.

<http://tl.rulate.ru/book/81483/2516163>